

220 «ОСТАЕМСЯ СОЛДАТАМИ»

Рассказ о встрече читателей с Борисом Васильевым накануне его 60-летия

В этот день в переполненном зале Политехнического не раз звучали аплодисменты собравшихся.

Конечно, аплодисментами встретили выступающих, они звучали и тогда, когда Борис Львович Васильев отвечая на вопросы (а вечер так и назывался «Встреча с Борисом Васильевым. Вопросы и ответы»), задавал самые сокровенные человеческие чувства. А запомнилось особо: председатель произнес вступительное слово, рассказал о творческом пути Васильева в литературе, дал оценки произведениям... А когда сказал: «Через три дня Борису Львовичу исполняется 60 лет» — зал наполнился горячими рукоплесканиями. Знак благодарности? Уважения к почтенному возрасту? Поздравления? Да, конечно. Но все-таки они оказались неожиданными для смуглого юбиляра.

Перед встречей мне удалось задать несколько общих вопросов писателю. О последней завершённой работе («Это роман «Завтра была война», о старшеклассниках, которые в предвоенный год мечтают о счастливом будущем»), о том, как сам юбиляр относится к своему возрасту («Что тут скажешь: шестьдесят, к сожалению, хуже, чем сорок. И даже пятьдесят...»).

ИЗ ПОВЕСТИ О СВОЕМ ВРЕМЕНИ: «Я был сыном участника гражданской войны, рос среди разгромленных, воспоминаний, в семье лет разбирал наган и знал все виды стрелкового оружия там, как современный мальчишка знает марки автомашин».

— Да, тут нет преувеличения, — прокомментировал Борис Львович. — И ничего нет удивительного, что в военных городках, где нам доводилось жить, оружие было нашими игрушками. Лет в восемь я уже впервые стрелял из винтовки и до сих пор помню как заныло отлетевшее в отдале от приклада плечо. Все свободные от службы военные занимались с нами, учили и верховой езде, хотя и не на строевых лошадях — на спящих, они поспокойнее... Мы росли солдатами и остаемся солдатами в наше нелегкое время...

А потом начался вечер были заданы десятки вопросов и даны десятки ответов. И я, записывая их, подумал, сколь закономерно такое продолжение беседы. Когда спрашиваешь не только ты... И, очевидно, большинство вопросов и ответов интересуют самый широкий круг читателей.

— У меня в этом году сразу три юбилея. — начал Борис Львович. — Шестьдесят лет жизни. Тридцать лет с момента завершения первой пьесы и пятнадцать лет повести «А зори здесь тихие...». Ну а коли так, то нужно отчитываться.

Я сын XX века в полном смысле этого слова. В этот век вписаны все мои шестьдесят лет. И

все они вписаны в историю Советской страны, советского строя, сыном которого я себя считаю. А это определило и мою судьбу, и мировоззрение, и характер. Я говорю о XX веке так упорно потому, что он — век потрясений всего человечества — социальных, духовных, научных.

Считаю, что произошла и коренная ломка нравственных представлений человека. Нравственность... Искусства без нее нет. И эти вопросы представляют для меня первостепенное значение. Потому что писатель должен прежде всего видеть, думать, а уже потом записывать.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: «Как складывалась ваша судьба в литературе?»

— Об этом у меня много сказано в повести «Летят мои кони». А если коротко, то началась она с пьесы «Офицер», которую я написал на спор. Я вообще спорщик. Так вот и тогда: поспорил, а потом взял и написал пьесу.

Писательское же дело мучительно.

ЗАПИСКА ИЗ ЗАЛА: «Как быть? Чувствую в себе желание стать писателем и вижу в себе призвание. Стоит ли заниматься литературой?»

— Могу ответить так: есть люди, которые боятся своего призвания. Потому что призвание требует ненормированного труда. Но если призвание в вас будет, вы своего добьетесь.

Я начинал поздно, демобилизовавшись из армии в 30 лет. Хотя за плечами была военная академия. И впереди ожидала вполне нормальная карьера, так, все мои товарищи, ровесники довольно скоро выросли в званиях и чинах. Но я не мог обойти призвание, оно меня захлестнуло.

Призвание, дар человеку не принадлежат. Принадлежат всем.

ИЗ ПОВЕСТИ О СВОЕМ ВРЕМЕНИ: «Мы не стали Пушкиными и Толстыми, Суриковыми и Репиными, Мусоргскими и Чайковскими, Баженовыми и Казаковыми. Мы не стали учеными, инженерами, колхозниками. Мы не стали мужьями, отцами, дедками. Мы стали ничем и всем: ЗЕМЛЕЙ».

Потому что мы стали солдатами.

...Война переехала и через меня, и, если не запахла, не искалечила, не задушила, тягость ее все равно невозможно сбросить с плеч. Она во мне, часть моего существа, обугленный листок биографии...»

— Перед писателем сейчас стоят труднейшие проблемы, которых не знали наши предшественники: удерживать нравственные высоты. Есть разные виды искусства и разные произведения. И лучшие из них говорят: нужно верить что и утраченное можно вернуть, нужно работать.

Как-то обратил внимание на разговор двух молодых людей. Говорили о пожилой женщине,

несуразно, может быть, одетой. Один бросает фразу: «Что ты хочешь, она же не может опережаться». «Опережаться»... Да мир обгоняет человека каждую минуту. Техника уже существует сама по себе. И все труднее и труднее старым людям. Их жизнь все более усложняется, и об этом нельзя не думать.

Жизнь человека продлевается и это прекрасно. Она сама по себе чудо из чудес. Жизнь каждого — бесценна, потому что неповторима. Вот о чем надо думать.

В течение жизни в нас накапливаются навыки, они помогают нам. Но есть навыки и есть стереотипы. Особенно нетерпимы стереотипы в искусстве. Искусство, закрепляющее стереотипы в жизни, — все это благодатные финалы и так далее.

А если говорить о возрасте, точнее, старости, то внешнее ощущение у человека остается прежним, меняется внутреннее — убывают мечты, желания, силы. Это трагедия. Есть и внешняя трагедия — дефицит добра по отношению к пожилым. А ведь глоток добра необходим прежде всего детям и старикам. Об этом стараешься и писать. И хотя тезисами такое не обкажешь, все же хочется лишний раз напомнить, какая большая нужда в добре. Литература не учебник, не свод правил. Но она изучает главное — нравственность и стремление людей к ней. Все мы бремем за будущее. Я — своим делом.

ИЗ ПОВЕСТИ О СВОЕМ ВРЕМЕНИ: «В «Толковом словаре» Дала нет специально выделенного существительного «отдых», есть лишь глагол «отдыхать». И это понятно: для народа, тяжким трудом взыскующего хлеб свой, отдых был чем-то промежуточным, сугубо второстепенным и несущественным. Отдых для русского человека — равно крестьянина или интеллигента — всегда выражался в смене деятельности в полном соответствии с научным его пониманием».

Когда же он превратился в самоцель? В пустое времяпрепровождение, ничегонеделание, в полудрему под солнцем? Иногда кажется, что отдых стал занимать непропорционально много места в наших разговорах, планах и, главное, интересах, что в нашем сознании ТРУД и ОТДЫХ уже поменялись местами: не работаем ли мы для того, чтобы отдохнуть, а отдыхаем, чтобы работать?..

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: «Как вы работаете над своими произведениями?»

— Могу лишь сказать, что стараюсь писать каждый день. Писателю необходим каждодневный тренинг. Как музыканту. Путь писателя встал страницами ненаписанных романов. Нужно иметь силы писать и отказываться от написанного. И, поверьте, так у многих писателей. Нужен тренаж мысли. Если много пишешь, то обязательно увидишь и услышишь и звукопись слова.

КОРР: «Сидит ли в вас во время работы внутренний редактор?»

— Нет, я отвлекаюсь от всего. У меня сохранилось счастливое ощущение: чувствовать и переживать, как в детстве. Так рабо-

таю, так смотрю кино или спектакль. Иначе не могу. Во время работы могу читать лишь серьезные книги по истории, которая меня увлекала всегда, или совсем простенькие приключенческие книги. Серьезную современную литературу — нет. Читал Василя Быкова, потом смотрю, сам пишу под Быкова. Не могу избежать влияния сильной литературы.

Хочу написать роман о рождении нашей Красной Армии. О гражданской войне, которая проходила не по полям, а через каждого человека. Конечно, не напишешь роман гениальнее, чем «Тихий Дон». Но даже и им не избежит гражданская война.

Мой отец — участник гражданской войны, и мой долг написать о ней. Хотел бы рассказать об одном из строителей Красной Армии. О военспецех, о тех офицерах, кто перешел на сторону Советской власти. Им было очень нелегко, при их мучительном двойственном положении. Но какие среди них были люди. Вспомните: Блюхер, Уборевич...

Написал один вариант первой части романа — отложил. Пусть пока постоит. Начал другой. Трудно пишется, не дается сразу...

ИЗ ПОВЕСТИ О СВОЕМ ВРЕМЕНИ: «История разлита во времени и пространстве. Извлечь ее из времени могут лишь знания, а вот ощутить ее дыхание в пространстве можно и не обладая ими. Есть счастливые города, где дышит история, каждый камень, и счастливые камни, сконцентрировавшие в себе историю. Камни Смоленской крепости, кривая Варшавская улица древнего города, само название его, старый дуб на Покровской горе, Гнездовские курганы и воздух Смоленска питали и меня историей, и я чувствовал ее и любил, еще не ведал, что это богиня, а не только наука».

И снова об аплодисментах. Когда председательствующий обратил внимание на то, что пошел третий час с момента начала встречи, а гора записок становится все больше, намекая на усталость аудитории и выступающего Бориса Львовича, — переполненный зал, где было очень душно от осветительных приборов телевизионщиков, единодушный протяжно выплеснул: «Не-ет!»

— Ну что ж, — сказал Васильев. — Хорошо. Только позвольте тогда снять пиджак. — В зале зашумели, и снова он наполнился горячими дружными рукоплесканиями. Аудитория благодарила за проявленное к ней уважение. И эти аплодисменты были знаком любви к писателю.

— Спасибо! — сказал Васильев.

Вечер продолжался...

Ник. ГОРБАЧЕВ.

Фото П. Кривоцова.